

УДК 811.134.2

П.М. ДОБРАЯ

(pdobraya22@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СМЕНА ФОРМ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗА НЕНАДЕЖНОГО РАССКАЗЧИКА В РОМАНЕ РОСЫ МОНТЕРО
“LA HIJA DEL CANÍBAL”***

Статья посвящена использованию смены форм повествования в качестве средства создания художественного образа ненадежного рассказчика на основе анализа художественного текста романа Росы Монтеро “La hija del Caníbal”. Рассматриваются формы повествования и то, как их чередование в нарративе может характеризовать рассказчика.

Ключевые слова: современная испанская литература, формы повествования, художественный образ, художественный дискурс, повествование от первого лица, повествование от третьего лица.

Испанский язык, как и любые другие живые языки, не стоит на месте, а постоянно изменяется и развивается. В качестве факторов, воздействующих на испанский язык в современном мире, Н.В. Титаренко в своей работе называет «распространение интернет-технологий и лингвистическая специфика интернет-дискурса, увеличение числа контактов, пересмотр гендерных и прочих социальных установок» [3, с. 151]. В следствие изменения языка и общества в целом меняется и современная литература. Испанские авторы ищут новые средства и способы создания художественных образов в своих произведениях.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к изучению различных средств выразительности, используемыми современными испанскими авторами для создания художественных образов. Выражаясь конкретнее, нашей задачей было узнать, насколько эффективно может помочь создать художественный образ ненадежного рассказчика такое средство, как смена форм повествования.

Формы повествования (или типы повествования), по определению Н.А. Кожевниковой, представляют собой «композиционные единства, организованные определенной точкой зрения (автора, рассказчика, персонажа), имеющие свое содержание и функции и характеризующиеся относительно закрепленным набором конструктивных признаков и речевых средств (интонация, соотношение видо-временных форм, порядок слов, общий характер лексики и синтаксиса)» [2, с. 3–4].

В рамках данной работы мы будем исследовать две основные формы повествования: повествование от первого лица и повествование от третьего лица. В первом случае повествование ведется рассказчиком, который является одним из участников описываемых действий. Чаще всего в таком случае рассказчик является главным героем произведения, реже – второстепенным персонажем. Читателю представляется информация сквозь призму мировоззрения, эмоций, чувств и мыслей рассказчика. Таким образом, повествование от первого лица всегда является субъективным. Н.В. Барковская пишет по данному вопросу: «Когда повествование ведется от лица рассказчика, исчезает иллюзия эпической объективности и всеведения автора. Весь художественный мир ограничен кругозором одного человека – рассказчика» [1, с. 19].

При повествовании от третьего лица безличный рассказчик не участвует в самой истории, описываемые события не влияют на него. Рассказчик может быть «всеведущим» или «ограниченно осведомленным». Важно осознавать, что оценки событий или персонажей автором могут присутствовать в тексте, и, как утверждает Н.В. Барковская, повествование от третьего лица – «это только искусно созданная иллюзия отсутствия автора; авторская точка зрения и авторская экспрессия направляют читательское восприятие» [1, с. 17]. Однако общая эмоциональность такого текста значительно ниже по сравнению с повествованием от первого лица. Повествование от третьего лица считается более объективным.

* Работа выполнена под руководством Титаренко Н.В., кандидата филологических наук, доцента кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Далее необходимо разобраться, что подразумевается под термином «ненадежный рассказчик», т. к. в анализируемом нами романе данный образ является центральным. В своей статье Д.Э. Куберо определяет его так: «Ненадежный или подозрительный рассказчик – это рассказчик, который теряет доверие и уверенность читателя в качестве источника информации в произведении, заставляя его колебаться, когда дело доходит до принятия фактов как истинных» [5]*. Таким образом, читатель ставится в позицию, при которой ему необходимо анализировать всю преподносимую ему информацию с критической точки зрения. Читатель должен быть мотивирован и вовлечен в интерпретацию текста произведения, потому что он должен идентифицировать и соединить в единую картину кусочки пазла, отличая истинные от ложных. Как уточняет Екатерина Щетинина, «когда вымышленный рассказчик искажает факты, или умалчивает о них, или излагает и интерпретирует события ошибочно, это почти всегда характеризует его с той или иной стороны (а порой характеризует и нас, читателей)» [4].

Обращаясь к роману “La hija del Caníbal” («Дочь Каннибала»), анализируемому нами, важно отметить, что его автор Роса Монтеро – известная испанская писательница и журналистка. В 1977 г. начала работать в старейшей испанской газете “El País”, а ее дебютный роман “Crónicas del desamor” («Хроники ненависти») вызвал большой резонанс в испанском обществе и принес ей известность. Кроме того, за роман «Дочь Каннибала» Р. Монтеро получила престижную премию “Primavera”.

В тексте романа, выбранного нами для анализа, несколько раз чередуются данные формы повествования: основная часть романа написана от первого лица, однако по ходу развития событий повествование иногда сменяется и ведется от третьего лица.

Основным рассказчиком и главной героиней является Лусия Ромеро, писательница книжек для детей, чей муж Рамон исчезает в начале романа. С первых слов текста романа мы видим мир именно глазами Лусии. Она описывает не только происходящие с ней события, но и свои чувства и мысли. Однако, интересно отметить, что уже в самом начале романа, давая описание своей внешности, она как бы глядит на себя со стороны:

Исп. Lucía Romero, alta, morena, ojos grises, delgada, cuarenta y un años, cicatriz en el abdomen de apendicitis, cicatriz en la rodilla derecha en forma de media luna de una caída de bicicleta, un lunar redondo y muy coqueto en la comisura de los labios [6].

Рус. Лусия Ромеро, высокая, темноволосая, сероглазая, стройная, сорок один год, шрам на животе от аппендицита, шрам на правом колене в форме полумесяца от падения с велосипеда, круглая и очень кокетливая родинка в уголке губ.

Интерес Лусии к придумыванию историй можно было бы обосновать выбранной ею профессией, однако это может относиться не только к ее профессиональной деятельности:

Исп. Yo siempre he disfrutado inventando. Es algo natural en mí, no puedo evitarlo; de repente se me dispara la cabeza, y todo lo que pienso me lo creo [Там же].

Рус. Мне всегда нравилось придумывать. Это что-то естественное во мне, я ничего не могу с собой поделать; у меня внезапно раскалывается голова, и все, о чем бы я не подумала – я верю этому.

В данном случае она использует местоимение *you* личные формы глаголов первого лица единственного числа “*he disfrutado*”, “*no puedo evitarlo*”, “*pienso*”, “*creo*”. Несколько страниц спустя, мы видим схожее оформление, к тому же подтверждающее описание ее характера:

Исп. Volviendo al principio: también he mentido en otros dos detalles. En primer lugar, no soy lo que se dice alta, sino más bien bajita [Там же].

Рус. Возвращаясь к началу: я солгала и в двух других деталях. Во-первых, я не высокая, а скорее маленького роста.

Далее, продолжая описывать свою внешность, Лусия в рамках одного абзаца сменяет форму повествования и начинает говорить о себе в третьем лице:

Исп. A veces, cuando estoy muy nerviosa, me dedico a mover la prótesis para atrás y para delante con la punta de la lengua. Asimismo es cierto que Lucía Romero posee un lunar coqueto en la comisura de los labios [Там же].

* Перевод здесь и далее наш. – П.Д.

Рус. Иногда, когда я очень нервничаю, я начинаю двигать протез вперед и назад кончиком языка. Также верно и то, что у Люсии Ромеро есть кокетливая родинка в уголке губ.

Как узнает потом читатель, внешность – не единственная информация, которую Лусия искажила. Она сама признается, что намеренно изменила дату исчезновения мужа, чтобы та выпала на День Дурака, или *El Día de los Inocentes*, праздник, отмечаемый в Испании 28 декабря.

При анализе удалось отметить, что достаточно часто смена форм повествования в тексте роман происходит, когда Лусия Ромеро переживает моменты душевных потрясений, как мы видим в следующем примере, когда она получила записку, написанную рукой его мужа и отправленную, как она думала, его похитителями:

Исп. (*La última vez que Ramón me había dicho “te quiero mucho” fue cuando le operaron del apéndice*). Después de su conversación con el inspector García, Lucía Romero había decidido no contar nada a la policía sobre la carta de Ramón y el dinero de la caja de seguridad [6].

Рус. (В последний раз Рамон говорил мне «Я так тебя люблю», когда ему делали операцию на аппендиксе). После разговора с инспектором Гарсией Люсия Ромеро решила ничего не рассказывать полиции о письме Рамона и деньгах из сейфа.

Несмотря на то, что в обоих предложениях использовано одно и то же грамматическое время (*Ramón me había dicho* в первом предложении и *Lucía Romero había decidido* во втором), из контекста читатель ощущает изменение в атмосфере. В данном случае автор использует этот переход, чтобы показать стремление Лусии Ромеро самостоятельно принимать решения из соображений скорейшего спасения мужа.

Далее по ходу развития сюжета Роса Монтеро еще несколько раз использует повествование от третьего лица:

Исп. *Lucía callaba demasiado, consentía demasiado, asentía demasiado; era asquerosamente femenina en su silencio público, mientras por dentro la frustración rugía*[Там же].

Рус. Лусия слишком много молчала, слишком много соглашалась, слишком много кивала; она была отвратительно женственной в своем публичном молчании, в то время как внутри бушевало разочарование.

В некоторых случаях, как в данном примере, читателю рассказчик представляется «всезнающим», владеющим информацией не только о разворачивающихся событиях, но и о чувствах героев; рассказчик способен «проникнуть» им в голову и прочесть их мысли. При этом, сложившееся впечатление усиливается использованием повторения слова “*demasiado*”, а также эпитета “*asquerosamente femenina*”.

Подводя итог, можно сказать, что нам удалось проанализировать, как Роса Монтеро в тексте своего романа “*La hija del Caníbal*” использует смену форм повествования для создания художественного образа ненадежного рассказчика в лице главной героини Лусии Ромеро. Данное средство помогает читателю лучше понять не только героиню, но и смысл всего произведения. Кроме того, чередование повествований от первого лица и от третьего лица мотивирует читателя обращать внимание на определенные детали и критически подходить к оценке происходящих событий.

Литература

1. Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 11. С. 16–25.
2. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Институт русского языка РАН, 1994.
3. Титаренко Н.В. Основные явления в грамматике современного испанского языка // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2022. № 6(172). С. 151–153.
4. Щетинина Е. 6 типов повествования, которые помогут лучше понимать прочитанное // Манн-Иванов-Фербер. [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2021/11/24/6-tipov-povestvovaniya-kotorye-pomogut-luchshe-ponimat-prochitannoe/> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Cubero D. E. Cómo crear un narrador poco fiable o sospechoso // Cursos profesionales para guionistas: [сайт]. URL: <https://cursosdeguion.com/45-crear-narrador-poco-fiable/> (дата обращения: 01.12.2023).
6. Montero R. *La hija del Caníbal*. Madrid: DEBOLSILLO, 2016.

POLINA DOBRAYA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE CHANGE OF FORMS OF NARRATION AS THE MEANS OF CREATION
OF THE FICTIONAL IMAGE OF THE UNRELIABLE NARRATOR
IN THE NOVEL “LA HIJA DEL CANÍBAL” BY ROSA MONTERO**

The article deals with the use of the change of the form of the narration as the means of the creation of the fictional image of the unreliable narrator on the basis of the analysis of the fictional text of the novel “La hija del Caníbal” by Rosa Montero. There are considered the forms of the narration. The author demonstrates how their interchange in narration can characterize a narrator.

Key words: modern Spanish literature, narrative forms, fictional image, fictional discourse, first-person narrative, third-person narrative.